

★ Наши ГЕРОИ

Накануне Дня Великой Победы ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла — наши Герои — обратились к молодому поколению норильчан со своим папущественным словом.

Наталья Николаевна Голубятникова:

— Великая Отечественная война стала самой жестокой войной в мире, войной, в которой фашизм решил, что на этой земле нет места другим людям (даже если они были такими же немцами, но с несколько иным цветом глаз, может быть, не с столь идеальным телосложением). И неизвестно, каким бы сегодня был наш мир, если бы советский народ не встал на его защиту. На линию фронта, которая летом 1941 года подобралась буквально к Москве, отправлялись женщины и мужчины, юноши и девушки. Даже дети, которым вот-вот минуло 10–11 лет, уходили сражаться за Родину и становились Героями нашей страны. Эта победа — Великая Победа. Но эта победа — и страшная Победа: 27 миллионов человек не вернулись с фронта.

Это невозможно понять и невозможно представить тем, кто не жил 65 лет назад. И слава Богу, что наши дети не знают, что такое война. Именно за нашими улыбающимися, светлыми, талантливыми, трудолюбивыми юношами и девушками — будущее страны. Сейчас мне хочется обратиться к ним. Ребята, неважно, какой на дворе век, как называется государственный строй, при котором вы живете. Такие понятия, как любовь, уважение к старшим, Родина, были и останутся для человека самым главным. И этого вы забывать не вправе.

Тамара Николаевна Шукалова:

— Поздравляю всех переживших эту войну и желаю им крепкого здоровья. Ко всем живущим сейчас и будущим поколениям хочу обратиться с просьбой: берегите мир. Только от вас зависит, быть или не быть новой войне.

Аркадий Николаевич Соколов:

ищите доброты от людей. И внимания.

Василий Петрович Карташев:

— Война застала нас неожиданно, и никого не спросила, хотим мы воевать или нет. Я не знаю, было ли где-то на фронте легче или тяжелее — по-моему, доставалось одинаково всем. Да и в тылу хватало горя. Единственное, чего я хочу пожелать, — чтобы не было войны. Не допустите. Иначе от неё не будет спасения никому.

Екатерина Сергеевна Кривоцуцкая:

— Хочется, чтобы ветераны ещё пожили. Здоровья им. Чтобы нынешнее поколение не знало тех бед, что выпали на нашу долю. И не забывало, как нам было трудно тогда... Чтобы дети учились и ценили образование, у них есть все условия для этого, у нас и детства — то как такового не было...

★ Наталья ГОЛУБЯТНИКОВА

Поколение мирного времени, мы по-разному представляем начало Великой Отечественной войны, именно потому, что никогда не видели войны. Для большинства наших бабушек и дедушек она началась расставанием — с любимыми, матерями, детьми. Тогда казалось «ненадолго, на полгода», казалось, скоро будет встреча. Но для многих слова расставания стали прощальными...

— Это был тёплый летний день, по-сибирски долгожданный. Я хлопотала по дому, муж ушёл в магазин. По возвращении стал собирать вещи. Я ничего, совсем ничего не поняла, спросила: «На охоту собираешься?». А он постоял с минуту, повернулся ко мне: «Наточка, война началась».

Этот день и 65 лет спустя Наталья Николаевна Голубятникова помнит в деталях: растерянность мамы, спокойный взгляд отца, последние слова мужа: «Что бы ни случилось, ты второго ребёночка сохрани».

— А что могло случиться? Мы ведь были уверены: не пройдёт шести месяцев, и война закончится, мы победим...

Шесть месяцев до войны

Семья у старших Божено была большая. Своих 10 детей да Наточка. И радость большая — у Акима и Натальи родились первенцы. Шёл 1940 год.

— Мы хоть и молодые совсем были, мне так и вовсе 18 лет, жили по уму: не ссорились, старших уважали, родителей друг друга толь-

Наталья Николаевна родилась в селе Большой Улуй Ачинского района Красноярского края. Весть о начавшейся войне застала её в Канске, где она жила с мужем Акимом Гавриловичем Божено и сыном Аркадием. Супруга Натальи Николаевны призвали в армию в первый же день войны, отца — в начале 1942-го. С фронта они не вернулись: муж погиб под Москвой, отец — на Ленинградском фронте.

ко «мама» и «папа» называли, — рассказывает Наталья Николаевна. — Меня же муж Наташей никогда не называл, чаще ласково Наточкой или Талечкой, а я его Кимом. Он сам так хотел: Ким — Коммунистический интернационал молодёжи. Тогда это была не атрибутика, а то, что нас всех объединяло.

Молодая семья решила сразу: сколько дефей Бог пошлёт, столько и будет. В любви можно и десятерых на ноги поставить. Поэтому когда Наташа сказала мужу, что они станут родителями второй раз, он был счастлив. Два месяца спустя началась война.

Вести с фронта

— Муж ушёл на войну в июне, после него и семь его братьев, и мой отец. Акима Гавриловича сразу отправили на линию фронта под Москву. Москва знала, что могучие сибиряки помогут отстоять столицу. Наши ребята тогда брали в армию не с 18, а с 17 лет, — вспоминает Наталья Николаевна.

Столицу они отстояли, а себя не спасли. Не вернулся с фронта Аким Гаврилович — погиб в Московской битве; защищая Ленинград, был

Наталья Николаевна ГОЛУБЯТНИКОВА — председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда города Норильска.

В военные годы работала помощником прокурора в городе Канске Канского района Красноярского края. В Норильске с 1964 года.

Советник юстиции. Воинское звание подполковник. Почётный ветеран Красноярского края, почётный работник прокуратуры, почётный гражданин города Норильска.

В этом году Наталья Николаевна Голубятникова стала лауреатом всероссийского форума «Общественное признание».

Также награждена: медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За освоение целинных и залежных земель», «Ветеран труда», медалью Жукова и др. Имеет грамоты и благодарности Генерального прокурора страны, Президиума Верховного Совета СССР, РСФСР, почётный знак Российского комитета ветеранов войны и военной службы.

смертельно ранен отец Натальи Николаевны.

— Всё, что у меня осталось на память с Киме, — воспоминания и несколько писем — весточек с фронта. В каждом он признавался в любви, в каждом пытался предостеречь от ошибок, в каждом говорил что-то самое главное и нужное. Как будто знал, что не вернётся... Потом я ещё долго-долго перечитывала эти строки: искала в них совета, поддержки, — рассказывает Наталья Николаевна. — И не только я, но и мои дети. Уже много лет спустя, будучи взрослой, дочка призналась мне: «Мама, мне так тяжело всегда было, я ведь ни разу в жизни слово «папа» не сказала».

Свою дочь Ларису Аким Гавриловичу не суждено было увидеть, он так и не узнал: родилась ли долгожданная девочка, как она росла, как добивалась успехов. Да и самой Ларисе действительно было очень трудно жить без отца, без его поддержки, защиты, добрых слов.

— Много лет спустя, наверное, лет пять назад, мы нашли письмо, в нём муж писал мне: «Талечка, всё образуется, ты, главное, себя и детей береги». Детей! И Ларису тоже, понимаете? — Наталья Николаевна не смогла сдержать слёз...

Четыре года до Победы

Погиб муж, не вернулся отец. А война продолжалась, продолжалась, продолжалась.

— Единственными вестями с фронта стали сводки, которые каждый день передавал наш репродуктор, — вспоминает Наталья Николаевна. — До сих пор перед глазами стоит картина — городская площадь, солнце высоко, вдруг голос: «Сегодня фашистские войска захватили ...» и названия городов — одного, второго, третьего. Бабушка старенькая, наша соседка, не выдержала, заплакала, упала на колени перед столбом с репродуктором и стала молиться Богу. За ней как подкошенные на землю стали падать другие, все молились за Победу. Так же и радостные вести встречали все вместе, дружно кричали: «Так ему, фашисту, надо, гони его, гони». Вера в Победу никогда нас не покидала, даже когда мы отступали...

Мирные дни

И Победа пришла. Маленькими шагами шла она к людям, и каждый этот шаг забирал сотни тысяч жизней. Но даже это не озлобило людей, не сделало их жестокими.

★ Фрагменты памяти

Далеко не все знают, что униформа Красной Армии в начале ВОВ существенно отличалась от той, которую носят военные дня сегодняшнего. Погонь, выходные и повседневные, были введены только в 1943 году. Тогда же появилась гимнастёрка с воротником-стойкой, которая была очень похожа на ту, что носили в царской армии. Офицеры стали носить фуражки с чёрным кожаным подбородочным ремнём. Цвет околыша у фуражки зависел от рода войск. Также на род войск указывали цвет окантовки погон и маленький золотой или серебряный значок, который располагался возле пуговицы на погонах.

В 1941 же году у офицеров и солдат Красной Армии были три типа «беспогонной» униформы: повседневная, караульная и выход-

Рассказывает Наталья Николаевна:

— К нам в Канск часто привозили беженцев с запада России, были среди них и поволжские немцы. Одна семья жила в соседней квартире: отец и трое ребятишек. Их отца потом арестовали, а дети ещё долго жили с нами. За это время немецкие малыши практически выучили русский, а наши стали лопотать по-немецки. Какая там ненависть — это же дети. А наша с мамой вдовья доля?.. Что с этим мы теперь могли сделать. Нас таких миллионы было. Помню, уже после войны я приехала с обществом «Знание» в одну из деревень Кежемского района Красноярского края. А там на весь колхоз один мужчина — раненый фронтовик, председатель. Женился после войны на местной женщине, вдове.

Я спрашиваю его: — Сколько вдов у вас в деревне?

Он отвечает: — 47.

Я: — А сколько замуж вышли?

Он: — Моя первая.

65 лет спустя

Можно много и долго говорить о том, как нелегко это было: и двоим детей на ноги поднять, и состояться в таком непростом мужском деле, как работа в прокуратуре, и от дополнительных поручений никогда не отка-

ная, каждая из которых имела два варианта — летний и зимний. Главным отличительным элементом униформы была гимнастёрка, которая по покрою, одинаковой для солдат и офицеров, напоминала русскую крестьянскую рубашку. Летнюю гимнастёрку шили из хлопчатобумажной ткани, а зимнюю — из шерстяной.

Вторым главным элементом униформы были шаровары (галифе). Солдатские шаровары имели отличительную особенность — ромбические нашивки на коленях. Зимой военнослужащие носили шинель; одинаковые по покрою солдатские и офицерские шинели тем не менее различались качеством. Отличалась и обувь: солдаты носили ботинки или кирзовые сапоги, а офицеры — кожаные сапоги.

зываться, будь то посевная на колхозном поле или лекции в обществе «Знание». Только у нашего поколения понять это всё равно не получится, потому что сегодня всё проще и легче, время другое. И слава Богу, что другое. Ведь за это сражался наш народ: за то, чтобы мы ели досыта, чтобы никто не мог прийти в наши города и расстрелять наших детей, потому что они худы или черноглазы, чтобы мы остались единой великой страной.

— В этом году в мае мы все будем отмечать 65-летие Великой Победы, 65 мирных лет, 65 лет скорбной памяти и долгожданной радости. Хотя вы ведь и сами прекрасно понимаете, для нас не только 9 Мая, а каждый день, что пережил наш народ и в 1940-е, и в послевоенные годы. — особенный, — подчёркивает Наталья Николаевна. — Нелегко было, но нас спасала любовь — друг к другу, к нашим детям, к Родине. Мы Россию всегда любили; независимо от того, какой на дворе век. Союз это или Федерация, кто у власти. Любили и продолжаем всем сердцем любить Родину, за которую сражались наши отцы, братья, мужья. Это для нас свято. Настолько свято, что каждый из нас независимо от состояния здоровья, усталости, боли праздник у Вечного огня встречает стоя. Ведь наши любимые, защищая страну, не склонили головы, не встали на колени. Великая Победа — это Победа сильного и гордого народа. Ветераны уверены: Россия была и будет Великой державой мира.

Определить звание и даже род войск можно было также по головному убору. Фуражка была атрибутом офицерской власти, рядовые же носили пилотки, которые в конце 30-х годов пришли на смену будёновке, или каски. А вот танкисты надевали специальный шлем, сшитый из кожи или брезента. При этом летом носили более лёгкий его вариант, а зимой — с меховой подкладкой.

В 1941 году обязательно в экипировке солдат были брезентовые вещмешки. Однако настоящие вещмешки были не у всех. Поэтому многие солдаты выбрасывали выданные им противогазы и использовали противогазные сумки в качестве вещмешка. Офицерские сумки, которые изготавливались из кожи или брезента, отличались от обычных. Имелось несколько типов таких сумок, некоторые из них носили через плечо, некоторые подвешивали к поясному ремню. Однако обязательно сверху к офицерской сумке крепился небольшой планшет.

★ Тамара ШУКАЛОВА

Блокада Ленинграда — трагический период истории не только в судьбе страны, но и в жизни отдельно взятого человека, нашей героини — блокадницы Тамары ШУКАЛОВОЙ.

«**В**ся моя жизнь — это стихотворение в прозе», — услышала я по телефону звонкий девичий голосок и растерялась. На всякий случай уточнила: «**Тамара Николаевна?**». «**Да**», — последовал ответ. Моя собеседница оказалась замечательной женщиной, которая несмотря ни на что остаётся молодой и сильной духом.

Тень прошлого

...Из дневников Тамары Шукаловой

«К булочной бежала Шукалова Тамара и крепче крепкого сжимала в своём кулачке хлебные карточки те... Хлебные карточки нельзя было терять — это значило жизнь потерять. С голоду погибнуть...»

Тогда на одну карточку полагалось 125 граммов хлеба. До сих пор помню мамин наказ:

«Береги хлебные карточки лучше глаз. Хлеб дели на три, характер прояви. Остаться в живых — значит победить».

Символом хлебных карточек для меня стала маленькая медалька с надписью «Жителю блокадного Ленинграда», которая хранится среди маминых, дядиных и моих наград. Они все мне дороги, ведь с каждой наградой связаны свои воспоминания.

«Она сжимает их в своём старческом кулачке, как хлебные карточки те. Каждый год на её Неве салюты и фейерверки... И хлебной крошечкой слеза по щеке...»

Тамара Николаевна ШУКАЛОВА родилась 2 апреля 1931 года в Ленинграде. Была единственным ребёнком на всю многочисленную ленинградскую родню. Из довоенных воспоминаний самые яркие связаны с празднованием Нового года, когда весь Ленинград был буквально завален апельсинами и дорогими конфетами.

22 июня 1941 года Тамара с семьёй была на даче на станции Всеволожской под Ленинградом. Ей было 9 лет. Все её родные оказались в блокадном Ленинграде, защищали любимый город. И только в августе 1942 года Тамару с матерью эвакуировали в Ярославскую область.

В 1954 году Тамара Шукалова приехала в Норильск. Устроилась в школу № 6, где 36 лет преподавала физкультуру, анатомию, математику. Ветеран труда. Коллеги называли Тамару поэссой за то, что сочиняла стихи и дарила всем близким. Историю войны Тамара Николаевна сохранила в своих дневниках — в самобытных «стихотворениях в прозе».

Орден Отечественной войны первой степени остался на память от маминго брата майора авиации Владимира Семинишина — грозы всех немецких асов. Он катапультировался из подбитого самолёта, и когда до земли оставалось три метра, его застрелил немецкий снайпер. Наши не убергли. Не прикрыли.

Есть мамина медаль «За труд в блокадном Ленинграде». Она работала на авиационном заводе, отвечала за качество собранных моторов. За время работы, пока нас с мамой не эвакуировали из Ленинграда, завод выпустил около 400 самолётов.

Девочка из булатной стали

Даже в блокаду мама часто меня водила в Маринку, где мы смотрели «Щелкунчика», «Спящую красавицу». Однажды после балета «Баядерка» возвращались домой по щиколотку в стекле. Оказывается, пока мы смотрели спектакль, была неистовая бомбёжка, из окон летели стёкла, а мы ничего не слышали.

Когда пришли домой, дедушка нам всё рассказал. Во время бомбёжек он никогда не выходил из комнаты, не прятался от осколков, поэтому слышал всё, что творилось на улице.

А мы убежали в коридор, где, как змеи, ползали из угла в угол, надеясь, что нас это спасёт. Однако страшнее бомбёжек был голод. Первой в нашем доме на Мойке умерла большая семья дворничихи: сначала мать, потом один за другим шестеро ребятяшек, последним — отец. А я помню, как с этими детьми мы играли в русскую лапту, прятки. Помню и девочку-татарочку Камиллу, которая жила под нами, на четвёртом этаже. Мы вместе пухали мыльные пузыри, я выдувала их, а она ловила. А потом она умерла...

«Плакала я сильно, когда целые сутки умирал дедушка. Я была с ним одна, взрослые были на работе... На детских саночках длинный и лёгкий такой, дед мой лежит родной. Лежит и почему-то молчит. Простыня белая ещё сильнее лицо бледнит. Санок полоз скрипит. До кладбища путь далёк, только держу санок поводок. Вот ступила моя детская ножка на землю ту, на белый снег, в тишину. Кругом одни штабеля; ни венка, ни цветка, ни причитания. Вот рядом и наша поленница. Скоро и её заполнит доверху... Всю жизнь в сердце моём блокадный стон похорон...»

★ Аркадий СОКОЛОВ

Вспоминая битву под Москвой, её участник — Аркадий Николаевич СОКОЛОВ первым делом заговорил о жутких морозах, которые свирепствовали тогда: «Немцы от холода с ума сходили, даже грабили своих же, отбирая тёплые вещи. Замерзали и просто в кочерыжки превращались. Жалко их было. Вот Кукрыниксы карикатуры на них рисовали, а ведь гибли люди ни за что...». И после этих слов неожиданно заплакал.

До войны семья Аркадия Николаевича жила в Царицыно, в те времена это был пригород Москвы. В их семье было пятеро детей, Аркадий — самый младший. Война Соколовых не пощадила. Старший брат погиб на подводной лодке в Балтийском море. Подводникам дали задание убрать заграждение — сеть с минами. Они знали, что шли на верную гибель. Люди тогда ради победы были готовы на всё. Уже после войны матери рассказали, как погиб её сын, — вызвали на Лубянку, причём взяли подлиску о неразглашении. Это уж потом она доверила эту тайну своей сестре — так и Аркадий узнал подробности.

Второй брат в Брестской крепости попал под обстрел. Он служил в муззвезде, играл на кларнете. Его серьёзно ранило осколком. Тогда некоторых успели эвакуировать, он был в их числе. Домой вернулся инвалидом, а умер в 74 года.

Сестра тоже прошла войну — она медик, спасала раненых в полевых госпиталях.

Сам Аркадий Николаевич попал служить на третий фронт. Сражался за Москву.

— Там такая битва была, столько людей полегло, народ на передовой постоянно менялся, — вспоминает ветеран. Столица... Не зря говорили: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва».

Служил я в танковых войсках: сначала — башнёром, потом на самоходке — заряжающим. Был гвардии старшим сержантом.

Под Москвой меня ранило. Госпиталь. Потом нас отправили на челябинский завод, там дали самоходки — и снова на фронт. Участвовал в военных действиях, пока машину не подбило. Пушку пробило. И как она не срикошетила?.. Но все целы остались. Мы выскочили вдвоём с замкомом. Он говорит: «Знаю я привычку немцев: пока не разобьёт всю машину, не отвяжется». А немец почему-то так и не выстрелил потом. Разбитую самоходку пришлось сдать на СПАМ — сборный пункт аварийных машин, а экипаж наш раскидали по разным подразделениям...

Потом на юг перебросили, в какой-то посёлок на Днепре, уж и названия не помню. Там меня снова ранило. Командир взвода хотел послать связного на наши позиции, откуда велся огонь по немцам, — предупредить, чтобы на время стрелять перестали, пока наша цепь идёт. А связного не оказалось, тогда меня отправили, а я был снайпером при командире взвода. Пошёл. Там — то меня и зацепила разрывная пуля.

Третье ранение Аркадий Николаевич получил под Кенигсбергом — осколок в ногу угодил:

— Мы с товарищами пошли искать помпеху — помощника по технической части, у нас чего-то машину заклинило, она не

могла повернуться ни в одну сторону. Немец стрелял наугад, и нас накрыло. Один солдат был смертельно ранен в голову, а я ещё легко отделался. И с осколком в ноге вёз третьего, тоже раненого, на велосипеде. Потом был снова госпиталь. А там и победа не за горами.

Награждён девятью медалями и орденами, в том числе орденом Отечественной войны II степени.

На мой вопрос «А страшно ли было на войне?» Аркадий Николаевич усмехнулся:

— Знаете, мы в школе играли в войну, шли на сопки и там устраивали импровизированные бои. Меня за пулемёт сажали, помню ещё, у меня папача, как у Чапаева, была. Но это всё детские игры. На войне же — совсем другое. Но потом привыкаешь и там.

★ Дмитрий КРИВОЛУЦКИЙ

К сожалению, Дмитрий Павлович не дожил до 65-летия Великой Победы, умер пять лет назад — в юбилейный же для этой даты год. О ветеране и его фронтовом прошлом нам рассказала его вдова, Екатерина Сергеевна Криволицкая.

Дмитрий Павлович КРИВОЛУЦКИЙ, артиллерист, гвардии старший сержант. На фронт призвали 22 декабря 1941-го, когда ему ещё 19 лет не было. Сначала попал в учебку под Новокузнецком. Потом отправили в Москву, оттуда — под Воронеж. Прошёл 1-й, 2-й Белорусские фронты, Западный и Юго-Западный. Участвовал в Сталинградской и Курской битвах. Был в Восточной Пруссии, форсировал реки Вислу и Одер, участвовал в легендарной встрече на Эльбе с американскими войсками, брал Варшаву, дошёл до Берлина, где ещё полтора года после Победы охранял порядок. Демобилизовался в конце 1946 года.

Награждён орденом Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

По её словам, он не очень-то делился воспоминаниями, вообще был человек немногословный: «Но мы с ним прожили без малого 58 лет. Когда какой разговор заведёт, нет-нет да и вспомнит, как там было, на фронте».

Жили они в одном селе, на золотом прииске Спасск в Таштогальском районе Кемеровской области. Дмитрий — из большой семьи: 10 детей — девять мальчишек и дочка. Так что сызмальства старшим приходилось зарабатывать — попробуй прокормить такую ораву, не до учёбы было. Потому Дмитрий окончил всего четыре класса и пошёл работать в кузницу.

До войны они с Катей не знали друг друга. Жили-то на разных сторонах реки, да и пацанкой она совсем ещё была тогда: ей всего 12 лет стукнуло, когда началась война. Хотя про большую семью Мишинёвых в заре-че девочка слышала.

— Их почему-то все Мишинёвыми звали — по фамилии отчима, — рассказывает Екатерина Сергеевна.

А познакомились они заочно, уже когда война закончилась. Катерина работала на почте помощником начальника отделения. Как-то разбирала пришедшие письма и обратила внимание на одно, из Германии, — там был указан необычный адресат: «Первой попавшейся

девушке». Письмо она отложила. Дождалась сотрудник, и они вместе его вскрыли. Автор писал, что до войны жил в Спасске, родных там, увы, не осталось, а уж очень тянет в родные края. Однако одна из сотрудниц сберкассы, находившейся в одном здании с почтой, узнав об этом необычном письме, вспомнила фамилию автора: Дмитрий Мишинёв слал через сберкассу переводы из Германии своей многочисленной семье. Эта кассирша и семью его знала. Девушки поспешили над лукавством парня. А Катя не стала отвечать ему: «Чего с ним связываться, раз врёт». И отдала письмо коллеге. Та потом рассказывала, какие красивые открытки слал ей Дмитрий из Германии.

Д. П. Криволицкий
Германия, 1945 год

После того письма прошло около года. Был Первомай, подруга зовала Катю в гости на другую сторону реки. Ещё ведь не хотела идти, но подруга оказалась очень настойчивой. Там они и познакомились воочию с Дмитрием, который тоже был приглашён на праздник. Он начал за Катериной ухаживать. Всей компанией отправились в кино, но Катерине что-то не понравилось, и она ушла из клуба. А в июне он вдруг появился на их стороне реки.

«А у меня даже ничего и не ёкнуло», — улыбается Екатерина Сергеевна. Парень начал обхаживать девушку, часто вызывался домой провожать. Через два месяца они поженились. Мама

её всё уговаривала: мол, погодите, молодёжь, до осени, в огородах-то ещё ничего нет, что на стол ставить будем. Но Дмитрий ни в какую не хотел откладывать свадьбу.

— Первое время, когда поженились, он говорил, что ему часто снится фронт, как они позиции меняют, на передовую готовятся, — вспоминает Екатерина Сергеевна. — По его словам, самое мутное для бойцов было, когда только окопалась, обустроили поле-вой быт, а тут приказ: срочно менять место дислокации. Очень это выматывало. Особенно часто меняли позиции в Восточной Пруссии.

На фронте Дмитрий был трижды ранен. Одно из ранений получил в Сталинградской битве:

— На растяжку налетел. Был ожесточённый бой, весь расчёт их побили, двое они с командиром остались. Тот подавал снаряды, а Дмитрий наводил. Командир, считая подбитые танки, сказал тогда: «Ну, быть тебе, старшой, героем!», стараясь поддержать дух бойца. В какой-то момент Дмитрий повернулся к нему за очередным снарядом — а командира-то убили. Один остался.

Е. С. Криволицкая

★ Григорий КОСТЮКОВИЧ

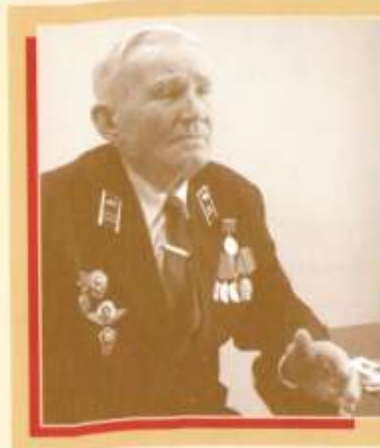
Когда мы попросили Григория Фёдоровича КОСТЮКОВИЧА рассказать о «своей» Великой Отечественной, он возразил в ответ: «Но я же был ещё совсем ребёнком». И тут же добавил: «Хотя мы работали для фронта. Работали крепко». Словом, мы убедили Григория Фёдоровича рассказать о своих совсем юных годах — в 1941-м ему исполнилось 12 — и совершенно не детском труде во имя Победы.

... В деревне Шлагино Берилусского района Красноярского края, откуда родом Григорий Костюкович, мужчин на фронт стали призывать практически с самого начала войны:

— Всех мобилизовали, кого можно было: сначала тех, кто помаломе, потом мужчин постарше. Отец мой в 37-летнем возрасте на фронт ушёл, — вспоминает Григорий Фёдорович. — Начали потом приходить похоронки. Через год-два раненные стали в деревню приезжать. Наш отец вовсе вернулся с фронта в 1947-м: после войны долго лежал в госпитале, а потом не отпустили со строек — строили химзаводы в Бийске, Барнауле...

А мы, дети, в годы войны выполняли всю мужскую работу. Вот, например, поспел хлеб. С 1 сентября начинается школьный год и уборка урожая. Первой убирают в Сибири рожь. Идут женщины с серпами, срезают пучки колосьев, связывают снопы. А мы, дети, на 12 подводах их везём на лошадях на молотилку.

Первый хлеб, так было во все годы войны, доставлялся с флагами: праздник урожая, 1941-й вообще был урожайным. Знаете, до войны, хоть и не знали удобрений, старые люди вели сельское хозяйство очень умно.

Григорий Фёдорович КОСТЮКОВИЧ, ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла, ветеран труда. Уроженец деревни Шлагино Красноярского края, он не понаслышке знает, что в 1941–1945-м стояло за лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!».

После войны окончил железнодорожное училище и всю свою жизнь посвятил железнодорожному делу. Неоднократно поощрялся за трудовые успехи и преданность профессии. Награждён юбилейными медалями: «60 лет Победы», «50 лет Победы», «40 лет Победы».

Ели в сибирской деревне не то чтобы досья, но и не голодали. У большинства семей имелся огород, земли можно обрабатывать сколько хочешь — только не ленись. Картошка своя, капуста, огурцы, лесные ягоды, грибы... Мясо — только зимой: кто ж летом станет забивать скотину, если мясо негде хранить.

Рассказывает Григорий Костюкович:

— Старшего брата забрали на фронт — осталось в семье восемь детей. Мать была героиня, звание официально имела, но тогда на это не очень обращали внимание, а мы сами законов не знали. И потому мать всё равно работала. Вставала затемно, готовила есть и бежала на работу. Хорошо, моя старшая сестра вместо няньки оставалась. Возвращалась мать поздно — время спать ложиться. Утром опять: темно ещё, а она уже русскую печь затапливает, есть готовит на день — и уходит. Сколько я помню, так всегда было.

Трудно было не только взрослым — детям, загруженным днём по самую макушку, приходилось учиться в школе только по вечерам и в основном зимой. В страду же учителя приходили к ученикам домой: расскажут, объяснят — «всё как полагается», — с нескрываемой гордостью вспоминает сегодня Григорий Фёдорович.

В первые военные месяцы было жутко-всем: война... Потом привыкли: что ж делать — война... Даже когда немцы в деревне появились — переселенцы с Поволжья, Прибалтики — местные жители на них не ополчились. Только дивились: приезжие дети бросались шариками из белого хлеба! Они не считали белый хлеб за лакомство, а сибиряки его вообще не видели. Крупчатка — белая мука — появилась в Сибири в 1956-м. И то только для учителей, библиотекарей — уважаемых людей.

А в войну говорили так: «Есть овёс — можно жить». Из овса варили кисель, пекли блины. До сих пор перед глазами Григория Фёдоровича картинка: чугунок с вкуснейшей овсяной кашей, которую мать готовила по сибирским рецептам.

Пока на западе нашей страны выполнялись боевые задачи, на востоке реализовывали «продовольственную программу».

С одного двора деревни Шлагино в год надо было сдать для фронта:

200 кг картошки

75 яиц

8 кг масла или 200 литров молока...

Если не получалось сдать яйца, или масло, или мясо — надо было недостающее чем-то заменить. Забирали со двора живность.

★ Ольга ШЕВКОПЛЯС

Разговаривая с этой жизнерадостной, светлой женщиной, я и подумать не могла, что четырёхлетним ребёнком она прошла через немецкую оккупацию и выжила в фашистском лагере смерти. Ольга Николаевна тихо говорит, что многое знает из рассказов мамы, сестры, других узников лагеря, а её память сохранила только самые жуткие моменты военного детства.

Оккупация

— Первых немцев, — вспоминает Ольга Николаевна, — мы увидели на третий день после начала войны. Они въехали в деревню на мотоциклах, озираясь по сторонам, словно опасаясь нападения партизан. Вокруг деревни немцы поставили вышки с охранниками. Все работоспособное население и детей старше 14 лет отправили в Германию. Остались женщины, старики и маленькие дети. Мы жили, как в блокаде. И самое страшное — что у нас не было выбора, нам некуда было идти... Оставшимся жителям на грудь повесили дощечки-таблички с номерами и каждое утро проверяли, все ли на месте. Если на утренней проверке кого-то не хватало, то родных пропавшего расстреливали. Обходя хаты, фашисты выясняли, где мужчины, и если выяснялось, что отец или брат в партизанах, — расстреливали всю семью, а остальных заставляли смотреть на это. Односельчане знали, что мой отец Николай Лебедев служил в Советской Армии, участвовал в Финской войне, а во время битвы на Курской дуге был ранен. Партизанил. Но никто его немцам не выдал.

Ольга Николаевна ШЕВКОПЛЯС (девичья фамилия Лебедева) родилась в 1936 году в многодетной семье. Жили в Белоруссии, на Гомельщине, в деревне Меховщина. С начала войны и до марта 1944 года деревня была оккупирована немцами.

После лагеря смерти Ольга вернулась с мамой и старшей сестрой в родную деревню, где и прожила до 1955 года. Осенью 1955-го приехала в Норильск, работала грузчиком горячих оборотов конвертерного отделения медного завода. Вышла замуж, родила двух дочек. С 1961 по 2001 годы работала продавцом в магазинах города. Окончила свой более чем 50-летний трудовой путь заведующей магазином «Аян».

Первый год оккупации был не самым тяжёлым: оставалась картошка от старого урожая, какие-то овощи, зерно. Тогда немцы забирали в основном мясо: коров, свиней, кур, сало. А потом пришёл голод... Помню, что я постоянно плакала от голода. Однажды ночью мама около немецкой помойки нашла коровью шкуру. Притащила домой, обработала... И она эту вываренную шкуру солила и давала нам по кусочку, только чтобы мы не плакали.

Тогда было не до игр. Мы постоянно были заняты: траву собирали, коренья — в общем, искали что-нибудь съедобное. Из детских забав помню только, как мы с сестрой Машей искали фантики от конфет. Немцы оказались сластёнами, постоянно жевали конфеты, а бумажки бросали. Для нас эти обёртки были невиданным богатством.

Немцы разные были... Некоторые угощали конфетами. Озлобились они после того, как немецкая армия потерпела поражение под Могилёвом.

В конце февраля — начале марта 1944 года в Белоруссии, у переднего края обороны, немцы создали три лагеря: один — недалеко от райцентра Озаричи, два других — возле

деревень Подросиньки и Дерть. Фашисты согнали туда более 50 тысяч человек: стариков, женщин и детей до 13 лет из Гомельской, Могилёвской, Полесской, а также Смоленской и Орловской областей. Эти лагеря и получили название «Озаричский лагерь смерти». Гитлеровцы использовали в качестве защиты от наступления Красной Армии живой щит из узников, которых специально заражали сыпным тифом, чтобы спровоцировать эпидемию среди красноармейцев и сорвать наступление наших войск. Именно в Озаричах впервые во время Второй мировой войны были использованы узники для испытания бактериологического оружия. Лагерь просуществовал менее трёх недель, но за это время в них погибли более 9000 человек. В ночь с 18 на 19 марта 1944 года войска 65-й армии первого Белорусского фронта освободили из озаричских лагерей 33 480 человек, из них 15 960 детей.

В плену у смерти

— До лагеря нас гнали колонной, охраняли конвоиры с собаками. Тех, кто отставал, расстреливали. Лагерь размещал-

на болотах. Никаких укрытий: территория, окружённая колючей проволокой. Зима была суровая, и в марте ещё лежал снег, мы спали прямо на нём. За попытку разжечь костёр или набрать воды немцы расстреливали. Чтобы нас напоить, мама топила снег в ладонях. Мы ели корни, старые листья – всё, что хоть как-то приглушало голод. Потом к нам за колючую проволоку стали сажать больных сыпным тифом. Умерших за ночь бросали прямо в озеро. Вскоре погибли младшие брат и сестра. Остались я, сестра Маша и мама. Заболела тифом Маша, и просто чудо, что она не заразилась ни меня, ни маму.

Однажды ночью мама меня потеряла. Начала искать и обнаружила рядом со старым деревом. Старик умер, но никто не заметил, а я залезла к нему под тулуп, чтобы согреться, и уснула.

Освобождение

Однажды утром мы проснулись, а колючая проволока разорвана, неподалёку горит костёр. Люди растерялись... Потом мы увидели троих советских солдат. Один из них среди узников узнал своего дедушку, маму и кого-то из ребятшек. Он и сказал, что мы

свободны, надо только подождать, пока не разминируют лагерь. Но люди кинулись к воротам, и многие подорвались на минах.

Вновь рождённые

— После лагеря мы попали в госпиталь. Там мы узнали, что деревню сожгли. Когда вернулись на пепелище, жили в землянке. Первое время ели корни, старую гнилую картошку, позднее появилась молодая травка, а потом и ягоды с грибами. Стало легче. От горя, из-за гибели младших детей, мама потеряла память и забыла, когда у нас с сестрой дни рождения. Наши документы в сельсовете сгорели. Мы с сестрой спрашивали у мамы: "Когда мы родились?". Она отвечала: "Ты, Оля, родилась, как картошку копали. Маша – когда волки выли".

Вскоре из госпиталя от отца пришло письмо. Он сообщил, что ранен и находится в Гомеле. Мама поехала за ним, и вскоре наша семья воссоединилась.

Лихое послевоенье

— После войны страшнее немцев были бандеровцы. А страшнее бандеровцев – мины. Они были везде, солдаты

не успевали их обезвредить, и люди подорывались. Но надо было продолжать жить... Женщины впрягались в плуг вместо лошадей и вспахивали землю. Дети, как могли, помогали. Когда появились всходы, надо было их окучивать, вырывать сорняки да ещё в школе успевать учиться. После школы мы помогали взрослым хоронить останки солдат – и немецких, и русских. После ухаживали за могилами. Хорошо помню, как мать несёт полную корзинку документов, которые мы нашли рядом с мёртвыми, их сдавали в военкомат.

В школах не хватало книг, вместо чернил использовали печную сажу, разведённую водой. Хотелось нарядов, но приходилось ходить в телогрейке и армейских ботинках, которые нашла в землянке. На семейном совете решили, что я вместе с соседкой уеду в Норильск. Здесь я вышла замуж. Сейчас я счастливая бабушка. У меня три внука и правнучка. Хочу только одного: чтобы такая война никогда больше не повторилась.

★ Фрагменты памяти

Война стала колоссальным испытанием не только для взрослых, но и для детей. В Советском Союзе были подростки, которые, защищая Родину, удостоились высших военных наград.

1. Леонид Голиков, родился в д. Лукино Новгородской области в 1926 году. Юный партизан. Награждён орденом Ленина, орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Лёня был разведчиком – проникал в фашистские гарнизоны, добывал ценные документы. При его участии подорваны два железнодорожных и 12 шоссе-ных мостов. Кроме того, Лёня принимал участие в транспортировке в блокадный Ленинград продовольственных обозов (250 подвод). Погиб в бою 13 августа 1942 года.

2. Валентин Котик, родился в селе Хмельёвка Хмельницкой области в 1930 году. Юный партизан. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Валя сражался плечом к плечу со взрослыми партизанами, мальчик взорвал шесть вражеских эшелонов на пути к фронту. Он погиб в бою 17 февраля 1944 года.

3. Зинаида Портнова, родилась в Ленинграде в 1926 году. Советская подпольщица, активный участник Обольской антифашистской молодёжной организации. Награждена орденом Ленина. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Работая в столовой в немецком военном подразделении, отравила пищу. Впоследствии, чтобы доказать свою непричастность,

сама съела отравленную пищу. Чудом выжила. Схватена в декабре 1943 года. Пытаясь бежать, застрелила троих немецких офицеров, но была поймана. Замучена и расстреляна в тюрьме г. Полоцка 10 января 1944 года.

4. Марат и Ариадна Казей. Родились в деревне Станьково близ Минска: сестра – в 1926 году, брат – в 1929 году. Юные партизаны. Ариадна Казей стала Героем Социалистического Труда, позже депутатом Верховного Совета. Марат Казей награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно.

Марат вместе с сестрой Адой проникал во вражеские гарнизоны, доставал ценные сведения и документы. В частности, благодаря этим сведениям советские войска освободили Дзержинск.

Марат участвовал в боях. В последней битве, 11 мая 1944 года, когда у мальчика закончились патроны и осталась одна граната, он подулстил фашистов ближе и взорвал себя вместе с ними.

★ Тамара БРОДСКАЯ

Норильчанка Тамара Павловна БРОДСКАЯ на войне была снайпером, освобождала от немцев Белоруссию. Она считает, что никакого подвига не совершила — «просто выполняла свой долг».

В 1942-м юную Тому мобилизовали и отправили из Свердловска в Центр подготовки военных кадров — в женскую снайперскую школу под Москву, на станцию Вешняки. Тысячи молодых девиц в бывшем поместье графа Шереметьева учились стрелять, готовились уйти на фронт. Дисциплина в школе была очень строгой. Обмундирование дали мужское и не по размеру: огромные сапоги, тяжёлые шинели. Шинелями же и укрывались, одеял не было. Боевой подготовке их учили целый год, до этого Тамара совершенно не умела обращаться с оружием.

— Снайпер, — рассказывает Тамара Павловна, — должен был знать все основы военного дела и оружия. Изучали винтовку с оптикой, автомат, пулемёт, противотанковое оружие, артиллерию и так далее.

В 1943 году боец Бабинова попала на фронт. После года в учебке девочек распределили: Тамаре судьба выпала воевать на 3-м Белорусском фронте, в 174-й стрелковой дивизии. В один из первых дней командир повёл бойцов знакомиться с обстановкой, и новоиспечённое пополнение попало под миномётный огонь. Это было их первое боевое крещение.

— Каждый день на задания мы ходили как на работу, — вспоминает сегодня ветеран войны, — нам лишь говорили, где находится та или иная огневая точка, пулемёт или снайпер противника, а мы уничтожали цель. На тебе

Когда началась Великая Отечественная война, Тамаре Павловне Бродской (в девичестве Бабиновой) было всего 17 лет, она только-только окончила Свердловский торговый техникум. В 1942 году её отправили в Центральную женскую снайперскую школу, потом — на 3-й Белорусский фронт. Тамара Павловна награждена орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и «За освобождение Белоруссии», медалью Жукова.

12 лет назад Тамара Бродская похоронила мужа. Пережила она и двоих своих детей. Последние годы ветеран и участник Великой Отечественной войны Тамара Бродская живёт в Норильске у младшей дочери. У неё семь внуков и шесть правнуков.

большая неудобная одежда, скатка (скатанная шинель — Ред.) и маскхалат, с собой снайперская винтовка с оптикой. В дальние походы ещё и котелки брали, килограммов десять точно приходилось на себе нести. И в таком виде по-пластунски по грязи, по снегу...

В оборонной обстановке снайперы всегда действуют по двое. Снайперская пара это называется. Мы подбирались к противнику, выслеживали цель. Потом одна из нас вызывала огонь на себя — стреляла, чтобы отвлечь внимание. А другая била в противника. За нас командиры считали, сколько целей мы уничтожили — самостоятельно мы такой счёт не вели. Это позже мне сказали, что я убила 31 фрица. Может, это и так, но гордиться этим особо не было времени.

Во время переходов и передвижений по военным городам и весям снайпер Тамара, получившая звание сержанта, жила в теплушках или землянках, ела ледд-лизовскую американскую тушёнку и спала на шинелях — где и как придётся. Иногда между боями и заданиями случались минутки отдыха — плясали и пели под гармошку советские песни и частушки, танцевали «Польку» и «Краковяк».

— Со мной в снайперской паре была девушка — Нина Исаева, я на всю жизнь её запо-

Февраль 1943-го. Тамара и Нина.

нила. В одном из боёв пулемётной очередью убило нашего командира, а моей Нине пуля попала в глаз, вышла через ухо. После такого сквозного ранения Нина выжила, её увезли в медсанбат и позднее комиссовали. Большие мы с ней не встречались. Нам только и оставалось, что переписываться какое-то время...

★ Виктор ГРЕКОВ

Что-то есть в Викторе Николаевиче особое, что-то до мудрого простое, что-то тёркинское — это чувствуешь сразу же, как только ветеран начинает рассказывать о войне.

Оттремели бои, ушли годы, а в памяти его сохранилось только светлое — люди, с которыми защищал Родину плечом к плечу, радость родных, которые выстояли в немецкой оккупации, незнакомое чувство восторженного облегчения — Победа! Всё закончилось!

«Просто парень сам собой. Он обыкновенный»

Повестку на фронт Виктор получил 15 марта 1943 года, буквально 12 дней спустя после освобождения от оккупации его родной деревни Пузино. Немцев выбили, и деревенские ребята смогли попасть на фронт. Раньше хотели — да не получалось.

— *Чтобы в армию попасть, надо было до военкомата добраться, а как доберёшься? Немцы в каждой хате, вся деревня под охраной, — вспоминает Виктор Николаевич. — Беги не беги, поймают. Вернут, и снова: траншеи копать. Нас, молодёжь, они не трогали, каждые рабочие руки на счету были. Всех, кто постарше да покрепче был, на работы отправляли. Таков у немцев был приказ: чтобы сначала юноша или девушка выработали всё, что могут, а уж потом...*

Отдельное распоряжение у фашистов было «по комсомольцам» — в какое бы село, город немцы ни пришли, первым делом молодых ленинцев искали. Искали и расстреливали. Но об этом Виктор Николаевич говорить не любит. Только отмечает:

— *Думали: комсомолец — значит, идейный, значит, пойдёт в бой за Родину. А мы ведь каждый за Родину хоть тогда, хоть сейчас — всё отдать готовы.*

«Словом, книга про бойца Без начала, без конца»

Уже 9 мая 1943 года с нехитрым содержимым вещмешка — котелок, ложка да мыло — Виктор отправился в военкомат.

— *Оттуда нас эшелонам отправили во Владимир. Сколько со мной ребят было? Да кто ж это знает, нам не до счету было. Наверное, человек по 70 в каждом вагоне.*

Все стремились на фронт. Молодые ребята хотели, как их отцы и старшие братья, — защи-

Виктор Николаевич с женой Марией Петровной

Виктор Николаевич Греков на фронт попал в январе 1945 года — освобождал Европу, брал Берлин. Когда началась война, 16-летний Виктор вместе с матерью и тремя сестрёнками жил в Смоленской области, в деревне Пузино. Родную для Виктора Николаевича деревню немцы захватили уже в сентябре 1941 года. В оккупации смоленский населённый пункт был вплоть до марта 1943 года.

щать свою землю, свои города, свои дома, в которых немец долго чувствовал себя хозяином.

— *В деревню немец пришёл в сентябре 1941-го. Жил он в наших хатах — по два-три солдата. Но они тоже люди — все разные. Кто-то ногой дверь открывал, грудь колесом, форсу много, всю семью в сарай жить выгонит, только знает потом из дома кричит: «Матка, курки, яйца!». Другие, наоборот, с собой еду приносили, даже помогали.*

Но в итоге, когда отступали, всё-таки всю деревню сожгли. Благо деревенские — люди работающие, подняли родное Пузино буквально за две-три недели.

«До чего земля большая, Величайшая земля. И была б она чужая, Чья-нибудь, а то — своя».

Но на фронт Виктор Николаевич попал не сразу — в январе 1945-го. Сначала была учебка, маршевая рота, а уже потом 3-я батарея, 71-я воинская часть, 1998-й зенитно-артиллерийский полк. В апреле 1944 года полк перебросили из Пензы под Житомир. Красная Армия перешла в наступление.

Виктор Николаевич признаётся, что солдаты шли в атаку, зная, что Родину они уже освободили, а потому не было, как раньше, чувства горечи, легко было на сердце. Они теперь не просто верили — знали, что Красная Армия победит.